

А. И. Жарова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ОБРАЗ ДУХОВНОГО ОТЦА В ПРОИЗВЕДЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ АСКЕТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ¹

***Аннотация:** В статье рассматривается образ одного из центральных героев повести Екатерины Домбровской «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны» – Духовника главной героини. Анализ проводится с привлечением трех главных уровней, формирующих целостный образ героя: телесного, душевного (психологический), духовного. Обращение к данной теме обусловлено возрастающей актуальностью изображения образа духовного отца в современной православной прозе.*

***Ключевые слова:** образ, старец, духовность, духовник, душевность, монастырь.*

Книга «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны» автобиографична. Главная героиня произведения Анна – «образованная москвичка, журналист и писатель» [Пращерук, с. 262]. Она приходит в монастырь искать утешения после потери сына и добровольно трудится там во Славу Божию 20 лет.

Центральное место в системе персонажей книги наряду с Анной занимает ее Духовник, который на протяжении 20 лет пребывания героини в монастыре являлся ее проводником на пути к обретению сокрушенного сердца. Роль духовного отца в жизни каждого православного христианина без преувеличения является одной из ключевых. От правильного и внима-

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

тельного выбора наставника во многом зависит истинный путь духовного развития личности.

В контексте истории практика исповедания своих грехов и послушания одному духовнику начинается именно с того момента, когда Иисус Христос дает «власть “вязать и решить” (Мф. 18:18), власть духовного руководства и отцовства Своим апостолам» [Алфеев, URL]. Далее от них попечительство своих духовных чад переходит всем грядущим «поколениям епископов и пастырей. <...> В истории Церкви существовало много типов духовного руководства» [Там же], и Митрополит Антоний Сурожский в своем докладе о духовности и духовничестве выделяет три класса духовников: «С одной стороны, на самом основном уровне, это – *священник*, которому дана благодать священства, которая включает в себе не только право, но и благодатную силу совершать таинства» [Сурожский, URL]. Иерей может давать наставление своим прихожанам во время проповеди, помогать советом, но брать абсолютный духовный контроль над жизнью паствы он не в состоянии. Следующий тип, который выделяет Владыка Антоний, – это *старцы*: «Старцами можно быть только по благодати Божией, это харизматическое явление, это дар. И научиться быть старцем нельзя, – так же, как нельзя выбрать своим путем гениальность» [Там же]. Важно отметить, что связь, возникающая между чадом и старцем, образуется исключительно на уровне духа. Скрепцы, соединяющие человека с его наставником, можно описать через метафору родства, где ключевые лексемы сформированы в ряд: «отец, мать, сын, дочь, дети» [Пузик, URL]. Эти номинации встречаются как в монашестве, так и в священстве. «Но есть еще промежуточная область – это *отцовство*. Отцовство заключается в том, что какой-то человек – и это может быть даже не священник – родил к духовной жизни другого человека. И этот человек, взглядевшись в него [духовного отца], увидел, как старое присловье говорит, в его глазах и на его лице сияние вечной жизни, и потому мог к нему подойти и просить быть его наставником и руководителем» [Сурожский, URL]. Можно предположить, что духовник главной героини соответствует второму типу духовников – старцам. Кроме того, сама Анна говорила о своем новообретенном наставнике как о старце: «Анна никогда не забывала, что не по своей воле она попала к старцу-Духовнику, заместнику монастыря...» [Домбровская, с. 37].

С первых страниц рассказа о жизни Анны в монастыре мы встречаемся с образом «сурового» старца, который требователен не только к своим чадам, но еще сильнее – к себе. Но как настоящий наставник и духовный отец, он научает и дает наказы своим подопечным исключительно в свете любви Христовой, которая была в основе его учения. Такое осознание к героине пришло уже спустя некоторое время по ее пришествию в монастырь, первое же впечатление от встречи с его наместником было негативным «...Архимандрит ей категорически не понравился» [Там же, с. 45].

Теперь стоит детальнее рассмотреть образ архимандрита, формирующийся в повести через призму восприятия Анны.

Образ литературного героя или персонажа зачастую создается на основе трех уровней, которые друг с другом связаны, но не тождественны: «уровень телесный, являющийся сферой первичных биологических влечений», «уровень душевный, психологический» и «уровень духовный, собственно человеческий» [Андреев, с. 12–13, 84]. Телесный уровень прежде всего связан с внешностью героя, с его портретом. Дополняется данная ступень бытовой (одежда, любые предметы гардероба человека), невербальной (мимика, жесты, походка и т. д.) и вербальной (речь и язык) сферами.

Возвращаясь к первой встрече Анны с архимандритом, можно увидеть в ее описании небольшое, но довольно емкое изображение настоятеля: «Анна издалека увидела его выходящим из собора, быстро и бодро, на ходу бросающим ответы прихожанам, кого-то благословляющим, чуть ли не весело, но, несомненно, с молодой силой улыбающимся; она схватила на всю жизнь единым кадром острый и какой-то особенный, пронзающий (она еще подумала – “страшный!”) взгляд его больших серых глаз и неповторимо стремительный, уверенный шаг, обвеваемый широкими полами подрясника». [Домбровская, с. 45]. Можно сказать, этот набросок к портрету Духовника и динамическое описание его внешности – единственные на всю книгу.

«Психологическая (душевная) структура литературного героя включает в себя:

- интеллектуальную сферу, сознание – совокупность умственных качеств персонажа.
- эмоционально-психологическую: эмоции, чувства, переживания, настроения;

- волевые, деятельностно-коммуникативные качества характера героя;
- вкус (чувство красоты), воображение, художественные способности (одаренность, талант, гениальность)» [Козлов, с. 94–95].

Уместно предположить, что умственные качества Духовника проявляются главным образом в его глубоком знании текстов духовной литературы, Священного Писания, Псалтири. Например, довольно точно дана оценка интеллектуальной сферы образа наставника в следующем отрывке: «Анна, разумеется, и чувствовала, и остро воспринимала особенности и характер богословского мышления Духовника, его подходы, видела его широту и поразительную смысловую точность, умение объяснить любому человеку высокое и, казалось бы, для обыденной жизни не суть важное. <...> Любое понятие – логос, выражаясь богословски, – в его руках мгновенно и убедительно возводил ум человека к Богу...» [Домбровская, с. 418].

Если говорить о сфере эмоционального в образе старца, то в первую очередь стоит сказать о его особой сдержанности в проявлении чувств. Конечно, как любой другой человек-мирянин, Духовник не мог не переживать, на его лице прихожане нередко видели «мягкую» улыбку. На протяжении повествования мы можем видеть Духовника строгим, прямолинейным, серьезным, замкнутым, но через несколько страниц перед нами старец предстает совершенно в ином настроении. Духовник был всегда честен, как перед прихожанами, так и перед самим собой. «Он не терпел лжи, притворства, игры – даже в самом тонком ее проявлении, – все ведь это было знаком прелести – опасной духовной болезни» [Там же, с. 57]. Архимандрит являл собой удивительный образ гармоничного сочетания в одном человеке аристократичности, достоинства, чувства такта с простотой, рожденной из чистого сердца.

Следующая сфера, формирующая психологический образ Духовника, эксплицируется через его деятельность в обществе, а именно – несение послушания в качестве наместника монастыря. Перед архимандритом стояла невероятно сложная задача – восстановить древнюю монашескую обитель, которая находилась в «состоянии ужасающей разрухи» после ее возвращения Церкви в 1990 году. Духовные чада никогда не видели в глазах старца уныния, не слышали ропота от него, наместник мудро руководил возрождающейся обителью и своей деятельностью вдохновлял на труд многих прихожан, ко-

торым монастырь становился вторым домом, благостным пристанищем для души. В отношении самой героини старец также вовремя и к месту давал самые нужные наставления и уроки. «Глаза его излучали привет... Он сразу взял Анну к себе и повел очень простой, даже отчасти свойский разговор о каких-то монастырских делах. Но вдруг остановился и серьезно, хотя и очень по-хорошему сказал: – Давай, Анна, начинай потихоньку очищать сердце, ведь – тамо гади, имже несть числа!» [Там же, с. 140]. В тот момент своей жизни героиня нуждалась именно в подобном назидании, ее душа жаждала утверждения в том, что она трудится в правильном направлении, к тому же Анне показалось, что Духовник «поставил ее на некую новую ступень жизни» [Там же, с. 141]. А данное ощущение, несомненно, важно для духовного развития человека.

Говоря о последней сфере выражения душевной составляющей образа архимандрита, отметим, что в тексте повести не встречается упоминание об эстетическом восприятии мира Духовником. Но здесь необходимо сказать о таланте, который даровал Бог наместнику. Пожалуй, его можно назвать сердцеведением. Во многом это призвание связано с предыдущей сферой душевного состояния образа, так как данный талант не может быть дан человеку, который ведет праздный образ жизни, что ведет за собой утрату трезвенности ума и потерю благодати Божьей. Также последние две сферы воплощения душевного в образе литературного героя связаны с тем, что архимандрит, стяжавший дар сердцеведения, помогал с его помощью своим духовным чадам и вообще всем тем, кто приходил к старцу со своими бедами и проблемами. Само слово «сердцеведение» имеет простое толкование: «Знание человеческого сердца, душевных движений человека» [Ефремова, с. 889]. Наиболее частые случаи явления этого великого дара верующие встречали и продолжают встречать именно среди старчества. В русской Православной Церкви ярким примером стяжанием дара сердцеведения служит подвижничество иноков Оптиной пустыни.

Прежде чем перейти к описанию духовно-аксиологической сферы литературного героя, остановимся на разграничении понятий душевного и духовного в жизни человека. Митрополит Иерофей (Влахос) в своей книге «Православная духовность» уделяет особое внимание определению понятия духовность. Греческий богослов дает следующее толкование: «Существо-

тельное “духовность” (пневматикотис) происходит от прилагательного “духовный” (пневматикос). Следовательно, духовность – это состояние духовного человека» [Влахос, URL]. Важно отметить, что существуют некоторые различия между недуховным человеком и духовным, и, в первую очередь, они проявляются на уровне поведения, определенного образа мыслей, что обусловлено другой мотивировкой. Еще митрополит Иерофей уделяет внимание границе между духовностью и душевностью, говоря, что «проявление душевных энергий, таких как разум, чувства, гнев и т.д.» [Там же] не характеризует духовность личности. Однако некоторые могут заблуждаться на этот счет, приравнивая развитие умственных способностей и творческую деятельность человека к работе духа. Митрополит продолжает свои рассуждения о границе между душевным и духовным человеком, опираясь на учение апостола Павла: «Духовным является тот человек, который имеет в себе действие Святого Духа, тогда как душевным человеком является тот, у кого есть душа и тело, но кто не стяжал Святого Духа, дающего жизнь душе» [Там же]. Иначе говоря, духовность человека определяется наличием благодати в его сердце, которая делает его сыном Божиим и свободным от рабства плоти. Поэтому, говоря о духовно-аксиологической сфере образа архимандрита, будем иметь в виду центральную единицу – религиозную аксиологию.

Наиболее важными ценностями в духовной жизни наместник считает любовь и смирение. Данная установка соответствует евангельскому и апостольскому учению. Архимандрит наставлял как всех прихожан, любого, кто внимал его слову: «Духовник учил Христовой любви, постоянно говорил о ней в своих проповедях» [Домбровская, с. 38], так и в личных разговорах с главной героиней он напоминал о главном сокровище христианина «Однажды Духовник, как всегда неожиданно и без связи с предшествовавшей темой разговора, сказал Анне: “Запомни, Анна: любовь к Богу и любовь к ближнему исключают любовь к себе”» [Там же, с. 115]. Другая христианская добродетель, стяжанию которой учит Духовник своих чад, – это смирение. «Пока же перед Анной Духовником была поставлена задача терпеть все находящее. Притом он добавил: “Учти: от терпения до смирения – огромное расстояние”» [Там же, с. 106]. Немного иная форма наставления архимандрита в умении смиряться встречается также в сочетании с терпением: «Анна не уставала

повторять слова Духовника: “Терпение без смирения – катастрофа”» [Домбровская, с. 162]. Архимандрит в слове о смирении не отступал от письма Евангелия и святоотеческой литературы, где обучению этой важнейшей христианской добродетели отведены несколько сотен страниц. В Священном Писании можно встретить о смирении как непосредственные слова «низложил сильных с престолов, и вознес смиренных» (Лк. 1:52), так и так и притчевые или образные параллели: «А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» (Мф. 5:39–40). Стяжание благодати и смирения требует тишины. Поэтому архимандрит не отличался пространными речами о спасении души, тем более многословием и пустословием. Важно отметить, что Духовник предельно серьезно относился к каждому произнесенному им слову, и никогда нельзя было за ним заметить поступков и дел, которые не соответствовали бы сказанному им. В его жизни не было места лицемерию и лукавству, он не выносил игры и фальши, иначе говоря – фарисейства.

Подводя итог сказанному об образе Духовника Анны в произведении, отметим, что перед читателями предстает настоящий русский старец как преданный продолжатель национальной, самобытной традиции старчества, начиная с преподобного Сергия Радонежского и продолжая святыми иноками Оптиной пустыни. Автору произведения удалось создать живой, светлый и незабвенный образ Духовника, который сыграл в жизни главной героини одну из важнейших ролей.

Список литературы

Алфеев И. О духовничестве [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru/o-duhovnichestve> (дата обращения: 10.01.2018).

Андреев А. Н. Целостный анализ литературного произведения. – Минск: НМЦентр, 1995. – 144 с.

Влахос (Иерофей) Православная духовность [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ierofej_Vlahos/pravoslavnajaduhovnost/#note2_return (дата обращения: 12.01.2018).

Домбровская Е. Р. Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны. – Канада: Altaspera, 2013. – 368 с.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – Москва: АСТ, Астель, Харвест, Lingua, 2005. – Т. 3. – 889 с.

Козлов С. В. Литературная антропология и поэтика персонажа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7 (25), часть 1. – С. 92–98.

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. – 2-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 671 с.

Пращерук Н. В. «В школе сокрушения»: о книге Екатерины Домбровской «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны» // Церковь. Богословие. История. Материалы IV Международной научно-богословской конференции, посвященной Собору новомучеников и исповедников Церкви Русской. – Екатеринбург, 2016. – С. 261–267.

Пузик И. Слово о старчестве [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatiya_Puzik/slovo-o-starchestve#0_2 (дата обращения: 13.01.2018).

Суроожский А. Духовность и духовничество [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/54286.html> (дата обращения: 12.01.2018).